

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ВОРОНЕЖСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ**

Минаков А. Ю.

**Ранние русские консерваторы
первой четверти XIX в.**

***Учебное пособие (020700)*
по специальности 030401 – История
ОПД. Ф. 02.**

**Воронеж
2005**

Введение

Учебное пособие «Ранние русские консерваторы первой четверти XIX в.» предназначено для студентов исторического факультета Воронежского государственного университета, специализирующихся по кафедре истории России.

Консерватизм возник в конце XVIII в. как реакция на рационализм и индивидуализм Нового времени, теорию Прогресса, революционные изменения в мире, как идейное течение, ставящее своей целью актуализацию позитивных традиций и ценностей прошлого, обеспечивающих эволюционное органическое развитие общества, для которого характерны культ сильного государства, приоритет его над интересами индивида, понимание естественного неравенства людей и соответственно признание необходимости общественной иерархии. Одной из важнейших ценностей для консерватизма является религия, которая, согласно воззрениям консерваторов, придает смысл истории и отдельной человеческой личности. Отсюда вытекает также скептическое отношение консерватизма к Ratio, неприятие абсолютизации его возможностей, понимание ограниченности и несовершенства (“треховности”) человеческой природы, то, что обычно обозначается как антирационализм. Следует подчеркнуть и весьма характерный для большинства консерваторов антииндивидуализм. С точки зрения большинства консервативных доктрин приоритетное значение имеют интересы целого, надындивидуальных ценностей (Бог, нация, государство, общество и т.д.), а не отдельной личности.

Для консерватизма характерен культ не только сильного государства, церкви, религии и нравственности, но и семьи, школы, армии, патриотизма, самобытной национальной культуры, т. е. тех общественных институтов, которые выступают основными проводниками и хранителями традиции. Сюда же можно добавить и такие типологические черты консерватизма, как понимание конкретно-исторической обусловленности уровня прав и свобод, прагматизм, здравый смысл.

Консерватизм при этом противостоит идеологиям, в основе которых лежат ценности противоположного порядка: атеизм, материалистическая ориентация политики, моральный релятивизм, культ рассудка, рационализм, антитрадиционализм, универсализм, космополитизм, приоритет интересов индивида над интересами государства, индивидуализм, равенство, культ личных прав и свобод, приверженность теоретическим моделям, культ перемен и революционных изменений.

В случае необходимости социальных перемен консерватизм требует при их осуществлении чрезвычайной осторожности и постепенности. При этом было бы неверно трактовать консерваторов как противников всего

Иначе обстоит дело со школой П. А. Зайончковского. В фундаментальных трудах этого видного советского историка, посвященных внутренней политике самодержавия в 70-90-х гг. XIX в. впервые, после весьма значительного перерыва, были созданы яркие, хотя и политически тенденциозные (с очевидной оглядкой на «марксистско-ленинскую методологию») исторические портреты таких видных русских консерваторов, как Н. П. Игнатьев, М. Н. Катков, К. П. Победоносцев, Д. А. Толстой, В. П. Мещерский, исследовано их влияние на формирование того политического курса, который в советской историографии получил название «контрреформ»⁶. Если школа Лотмана «реабилитировала» изучение раннего русского консерватизма конца XVIII - первой трети XIX в., то позитивистской школой Зайончковского было реабилитировано изучение зрелого русского консерватизма 1870-1890-х гг.

Одной из характерных черт тогдашних исследований, касающихся консервативной проблематики, была та, что степень научной объективности научной работы снижалась, в силу возрастающей идеологизации исторической науки, по мере хронологического приближения объекта исследования к советскому периоду.

Примерно к началу 70-х гг. XX в. обозначилась тенденция к выделению истории русского консерватизма как самостоятельного направления⁷. До этого те или иные сюжеты, связанные с консервативной проблематикой, рассматривались в рамках более широких тем, прежде всего, внутренней политики самодержавия. В конце 70-х гг. появляются первые крупные исследования, посвященные целиком и полностью консерваторам XIX в. Наряду с прочими, необходимо выделить новаторский для того времени труд В. А. Твардовской о М. Н. Каткове (в данном случае исследовательница творчески развила одну из тем своего учителя – П. А. Зайончковского)⁸, который по богатству фактического материала до сих пор не превзойден в современном «каткововедении». Монография Твардовской дала мощный импульс научному сообществу в изучении русского консерватизма, как минимум – способствовала формированию стойкого и непреходящего интереса к этой тематике. В 70-80-е гг. появились монографии о славянофилах, статьи об идеологии «официальной народности», о Н. Я. Данилевском, К. Н. Леонтьеве, В. В. Розанове, К. П. Победоносцеве и др.⁹ Впрочем, такого рода работы продолжали оставаться исключением.

Если попытаться в целом оценить степень исследовательского интереса к русскому консерватизму в советскую эпоху, то он был невелик и явно уступал по количественным характеристикам исследованиям, посвященным другим направлениям русской общественной мысли последней трети XVIII - начала XX в., например, марксизму, народничеству и либерализму. Работ по консерватизму, в лучшем случае, насчитывались десятки, что же касается других идейных направлений, в особенности революционных, то здесь счет шел на тысячи, если не

больше, наименований. Причина этого была очевидна: объективная общественная потребность в том, чтобы преодолеть российское «красное смещение в политическом спектре» (Д. Галковский), возникшее в XIX и абсолютно доминировавшее в XX в., не могла реализоваться в условиях абсолютной монополии государственной идеологии, имеющей мощную анти-традиционалистскую и анти-консервативную родословную.

Ситуация существенно изменилась после начала горбачевской «гласности». В конце 80-х гг. стала стремительно реализовываться естественная потребность научного сообщества в преодолении возникшей диспропорции в изучении общественно-политической мысли. Помимо причин чисто академического свойства, у «консервативного бума» оказались и другие: политические, причем степень их воздействия на собственно научные исследования, как нам представляется, усиливается с каждым годом. Отметим основные причины нарастания консервативных настроений в обществе, мировоззренческие ценности и мотивации, которые стимулировали и в какой-то мере формировали соответствующие исследовательские дискурсы. Среди них хронологически первым было отторжение от коммунистической идеологии, скомпрометировавшей себя в глазах большинства интеллектуальной элиты, что привело к тому, что часть ее оказалась готовой воспринять консерватизм в качестве естественного идеологического противовеса и оппонента всякой «левизне». По мере относительного неуспеха либеральных реформ, начавшихся с 1992 г., стало нарастать и сознательное отталкивание от «навязанного Западом» либерализма. Спрос на консерватизм, имевший поначалу антикоммунистический оттенок, приобрел теперь четко звучащий антилиберальный (антибуржуазный) акцент. Сама верховная власть, еще при Ельцине, заявила о необходимости формулировки национальной идеи, что было воспринято носителями сформировавшегося к тому времени правого дискурса как своего рода «сигнал к решительным действиям». В этих условиях Н. М. Карамзин, С. С. Уваров, Н. Я. Данилевский, К. Н. Леонтьев, К.П. Победоносцев, И.А. Ильин и т.д. стали «властителями дум» части интеллектуальной элиты и научного сообщества. Русский консерватизм воспринимался этими людьми как искомая русская национальная идея, которую лишь необходимо актуализировать в принципиально новой обстановке. В наследии консерваторов XIX - начала XX в. стали отыскивать «ценные элементы», призванные подтвердить тезис, что их идеи, которые «так и не были использованы тогдашней властью, и сегодня не утратили своего значения». В рамках подобного дискурса все проблемы по актуализации консервативной идеологии решаются весьма просто: концепцию самодержавной монархии необходимо использовать для разработки идеи «сильной государственной власти» авторитарного типа, представления об имперской модели можно превратить в учение о новом российском унитаризме, русскую националистическую риторику пустить в ход в борьбе с этнократическим национализмом «нерусских» субъектов РФ,

ставку на православие и православную церковь («духовный стержень русской государственности и культуры») возродить в новых исторических условиях, введя на общегосударственном уровне преподавание основ православия в школе и обязав высших чиновников время от времени отстаивать длительные церковные службы в Успенском соборе Московского Кремля, и т.д. С подобной точки зрения, у любой консервативной идеи позапрошлого века есть возможность реализоваться с некоторыми видоизменениями в России XXI в.

Работа историков конца 80-х - первой половины 90-х гг. XX в. сосредоточилась прежде всего на изучении эмпирической базы русского консерватизма: в потоке статей и монографий и поныне явно преобладают труды, посвященные конкретным персоналиям, ключевым фигурам русского консерватизма. Можно даже говорить о некоей позитивистской «зацикленности» историков на конкретных фигурах, носителях консервативной идеологии и практиках этого течения. Если задаться целью обобщить эти работы ради создания относительно целостной картины, то надо признать, что такая цель вполне достижима, поскольку через персоналии отчетливо просматриваются контуры феномена русского консерватизма на всем историческом пути его развития. Разумеется, все эти работы неоднородны по своим академическим достоинствам, степени проработанности источников и знанию историографии проблемы, авторы их исповедуют различные политические взгляды, и, соответственно, они написаны в совершенно разных дискурсах – от крайне правого до либерально-консервативного и объективистского, но так или иначе, общая картина эволюции русского консерватизма – от М. М. Щербатова до право-монархистов начала XX в. – в них с фактической стороны в основном воссоздана¹⁰. Обращение к подобной практике, с нашей точки зрения, является закономерным этапом научной работы: российским историкам необходимо было прежде всего накопить значительный фактический материал, прежде чем приступать к теоретическим обобщениям и методологическим поискам. Можно констатировать, что наступил момент, когда во множестве созданные «исторические портреты» явно нуждаются в выходе на более высокий, «панорамный», уровень обобщений. Тем не менее, есть причины, по которым это происходит пока явно в недостаточной степени. Одна из них – боязнь четких и недвусмысленных политических оценок, нежелание впасть в идеологическое менторство и догматизм былых десятилетий, заставляющее избегать широких научных обобщений. Кроме того, формальный отказ от марксистско-ленинской методологии отнюдь не сопровождается автоматическим усвоением новых исследовательских подходов и методов. В этих условиях позитивизм стал преобладающим методом научного исследования («факты являются гораздо более важными, чем их интерпретация»¹¹). А такого рода установка неизбежно привела к преобладанию жанра исторического портрета, нарратива с минимумом аналитических выкладок. У этого подхода есть свои плюсы, в